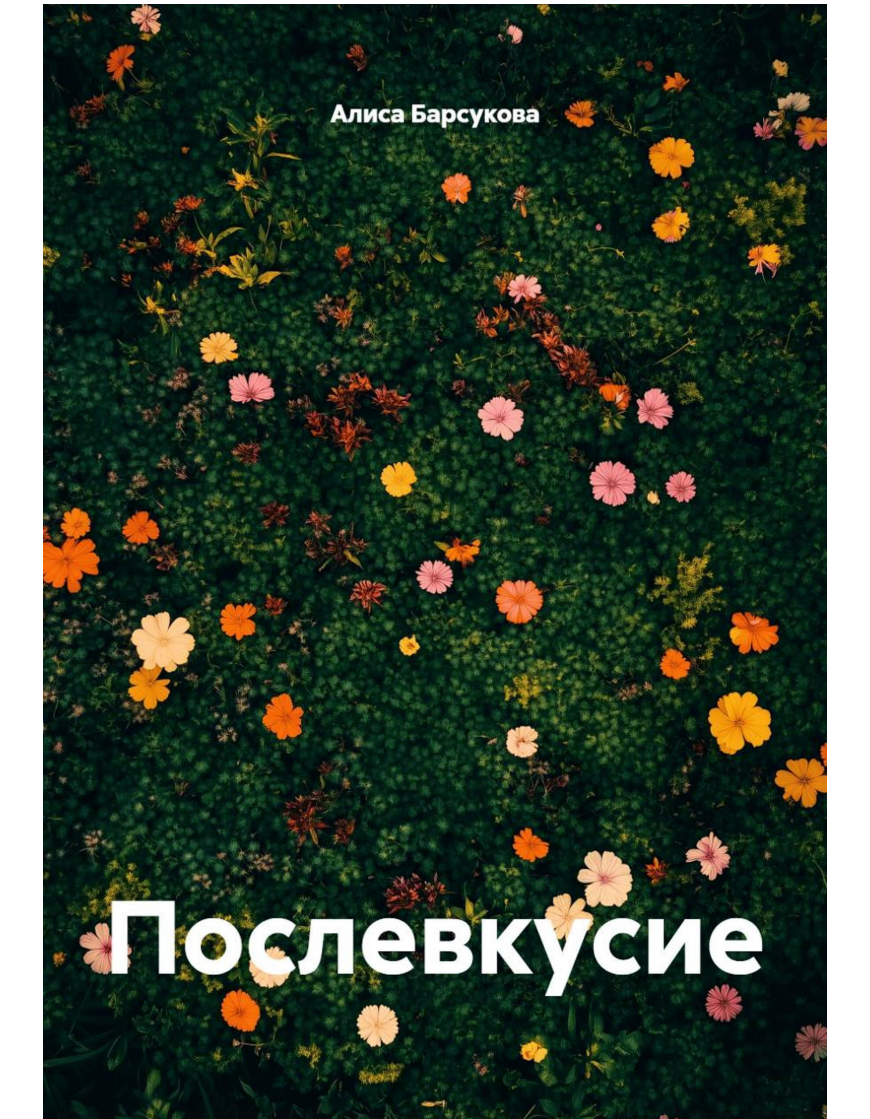

Алиса Барсукова

Послевкусие

Алиса Барсукова

Послевкусие

<https://litres.ru/74599808>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это история о том, как стремительный, почти стихийный роман с решительным и напористым парнем Данилом постепенно разрушает привычный, уютный мир героини.

Сначала всё кажется захватывающим: внезапное знакомство, бурный напор, ощущение свободы и новизны. Но очень быстро «стихия» превращается в давление: Данил уверенно перестраивает жизнь девушки под себя.

Героиня начинает углубляться в свою психологию .

Содержание

Глава	4
Глава 1. Спокойные часы	5
Глава 2. Эффект домино	8
Глава 3. Теснота и шум	10
Глава 4. Изоляция	12
Глава 5. Переписывая сценарий	14
Глава 6. Правила игры, в которых я всегда проигрываю	17
Глава 7. Стена между нами	20
Глава 8. Запретная реальность	22
Глава 9. Маска и эхо его голоса	25
Глава 10. Иллюзия	28
Глава 11. Зеркало, которое лжет	30
Глава 12. Точка невозврата	32
Глава 13. Опустевший дом	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Алиса Барсукова

Послевкусие

Глава

Глава 1. Спокойные часы

Утро началось слишком правильно. Слишком светло.

Я проснулась в восемь — время, которое мой организм обычно считает глубокой ночью. Солнечный луч настойчиво пробивался сквозь шторы, обещая идеальный, ленивый день. Кофе, гора посуды в раковине, которую я пообещала помыть еще в прошлый четверг, и бесконечная лента рилсов. В этом было что-то медитативное. Впереди была смена в четырнадцать, а значит, у меня было целое вечность, чтобы просто "быть". Я посмотрела фильм, а потом вспомнила об Аките (так звали собаку).

Лето в этом году было щедрым на тепло. Мы с Аkitой вышли на прогулку, и я чувствовала себя абсолютно счастливой. Музыка в наушниках, солнце на плечах, верная собака рядом, уверенно шагающая по тротуару. В те два часа, что мы бродили по улицам, я была уверена: моя жизнь — это ровный, предсказуемый и очень уютный поток.

Работа в кафе пролетела как в тумане. Шум кофемашины, запахи зерен, лица покупателей, привычные шутки с коллегами. Когда мы закрывались, я чувствовала ту самую приятную усталость, которая бывает только после физического труда. Мы мыли пол под громкую музыку, смеялись, а после смены я еще полчаса катала коллег на электросамокате у торгового центра.

Дома меня ждал привычный хаос. Чили, моя кошка, смотрела на Акиту с таким немым осуждением, будто та украла её законное право на покой. Акита, в свою очередь, деловито доедала кошачий корм.

Я устроилась на кресле, прижав к себе кошку, и включила сериал. Но внутри было пусто. "Одиночество — это не отсутствие людей, это тишина, которая начинает давить на уши, если долго не с кем поговорить." Я открыла чат знакомств. Просто чтобы почувствовать чей-то ритм, чей-то пульс в цифровом пространстве.

В три часа ночи он появился. Лайк.

— Привет, я с онлайн-знакомств, — написала я, сама удивляясь своей решительности.

— Привет. Тоже живешь одна? — ответил он. В этом вопросе было что-то странное, но я, окрыленная своей семи-месячной свободой от родительского контроля, лишь гордо ответила:

— Да.

А потом он выкинул это: — Давай жить вместе.

Я замерла. Сердце пропустило удар. Это была шутка? Проверка на глупость?

— Нам нужно хотя бы пообщаться, — попыталась я включить логику. — Нельзя просто так переезжать к незнакомцу.

Но он не был похож на незнакомца. Он был похож на стихию: длинноволосый, решительный, живущий с бабушкой, мечтающий о своей крепости, разъезжающий на электрове-

лосипеде, и зовут его очень приятным именем Данил...

Мы общались всего полтора часа, но к моему удивлению я уже стояла в супермаркете, выбирая угощения для гостя. Я не знала, что покупаю не еду, а входной билет в другой мир.

Когда он переступил порог у меня по коже прошелся приятных холодов, он засмеялся:

— Я думал это шутка, думал непустишь и я в пустую приехал....

— Я тоже, ты написал, что приехал, я смотрю в камеру - тебя нет. Думала обман. — медленно промямлила я, не веря, что это на самом деле.

Мы смеялись над какими-то дурацкими, глупыми шутками, хорошо проводили время. Я не замечала, как под этим смехом, трещит фундамент моей привычной жизни.

Глава 2. Эффект домино

Скорость, с которой всё менялось, пугала. Если бы мне сказали об этом еще неделю назад, я бы рассмеялась в лицо. В ту же ночь он остался у меня, и предложил начать отношения.

Это не было похоже на свидание — это было похоже на захват территории. Словно он вошел в мою жизнь, не стучась, и сразу расставил свои правила.

Всего через три дня, когда эйфория от «первой ночи» еще не успела осесть, он сидел напротив меня с серьезным, почти торжественным лицом.

— Выходи за меня, — сказал он. — И давай сразу планировать детей. Я хочу, чтобы у нас была семья.

Его слова падали в тишину кухни, как тяжелые камни в стоячую воду. Я не успела испугаться. Я была слишком ослеплена этим напором, этой странной, бешеной уверенностью, что он точно знает, как нам жить.

Месяц пролетел в режиме ускоренной перемотки. Мой мир начал стремительно менять цвета и формы:

Сначала исчезла Акита. Он был категорически против собаки.

«Это негигиенично, это лишние хлопоты, это не подходит для нашей будущей семьи», — говорил он. И я, вместо того чтобы защитить своего друга, тихо позволила этому слу-

читься.

Тишина в квартире после её ухода была оглушительной, но я убеждала себя, что это просто «этап адаптации».

Затем изменилось пространство. Я сама собирала вещи в коробки, мама помогла привезти старую квартиру в порядок. Мы сменили квартиру на ту, что он выбрал — более «подходящую» для него. Мои старые книги, мои привычки, мой уютный хаос — всё это было упаковано и задвинуто в углы новой, чужой жизни.

Вместо прогулок с собакой появились поездки на электро-велосипеде, который мне взяли. Теперь я не шла по улице, чувствуя тепло солнца, а неслась по асфальту, вцепившись в руль, стараясь не отставать от его темпа.

Я смотрела в зеркало и не узнавала ту девушку, которая еще месяц назад заваривала кофе и лениво листала рилсы. Та девушка была свободной. Эта — была частью чьего-то большого, стремительного и пугающего плана.

Глава 3. Теснота и шум

Переезд в новую квартиру, который поначалу казался началом новой жизни, быстро превратился в затяжной сеанс выживания. Начались постоянные гости, Даня приводил своих друзей. Квартира была маленькой — слишком маленькой для двоих, а уж тем более для его бесконечной свиты.

Стены, которые должны были защищать мой уют, начали впитывать чужие голоса, запах дешевого алкоголя и тяжелый дым. Его друзья приходили постоянно. Это не были визиты вежливости; это были вторжения. Маленькая гостиная превращалась в прокуренный штаб, где мужчины с пустыми глазами обсуждали то, чего я не понимала, и смеялись над шутками, от которых мне хотелось сжаться в комок. Пьянки стали фоновым шумом моей жизни. Сначала это казалось просто весельем, но вскоре я поняла: это был его способ заполнить пустоту, которую он методично создавал вокруг меня.

— Ну чего ты сидишь как неродная? — бросал он, проходя мимо меня в разгар очередной попойки. — Расслабься, попей с нами. Хватит строить из себя святую.

Но я не хотела пить. Я хотела тишины. Я хотела вернуть Акиту, те прогулки под солнцем, ту себя, которая знала, что такое личное пространство. Его слова, брошенные небрежно, через плечо, жалили больнее, чем сам шум. В них сквозила не забота, а раздражение — будто мое молчаливое при-

существование было досадной помехой, пятном на его идеальном полотне «свободной жизни». Я смотрела на него, он уже менялся, я иногда не узнавала его.

Утро не приносило облегчения. Оно приносило липкий запах перегара, остывшие окурки и грязную посуду, громоздящуюся в раковине, и все это убирала я. Даня спал до обеда, а проснувшись, вел себя так, будто ничего не произошло. Он требовал завтрак, по началу требовал внимания, требовал, чтобы я улыбалась, игнорируя тот факт, что за ночь он превратил наш дом в притон.

— Ты опять за свое? — спрашивал он, когда я в очередной раз пыталась заговорить о границах. — Ты слишком серьезная. Жила одна, ты тратила жизнь на одиночество. Привыкай.

В его глазах я видела искреннее недоумение. Он действительно не понимал, что разрушает не только наш быт, но и меня саму. Для него это было «общение», «отдых», «нормальный ритм». Для меня — каждый день упражнение на выносливость: сколько еще я смогу выдержать, прежде чем этот шум окончательно заглушит мой собственный голос?

Глава 4. Изоляция

Самым страшным стало не то, что в моей квартире стало слишком много людей, а то, что среди них я стала чувствовать себя абсолютно одинокой.

Он начал меня «подправлять». Как будто я была не человеком, а черновиком, который нужно переписать под его стандарты. Его критика была тонкой, почти незаметной, как яд, подмешанный в сладкий чай.

— Ты какая-то странная, — говорил он, когда я пыталась заговорить о чем-то серьезном или просто хотела побыть одна. — Ты вечно в своих мыслях, вечно какая-то не такая. Его слова становились всё более изошренными.

Он начал транслировать мне мнение своего окружения, превращая это в коллективный приговор.

— Знаешь, ребята вчера обсуждали... — он делал паузу, подбирая нужный тон, — они говорят, что ты какая-то тяжелая. Что с тобой сложно общаться. Что ты вечно создаешь напряжение.

— Почему они так думают? — спрашивала я, чувствуя, как внутри всё холодеет. — Потому что ты не вписываешься, — отрезал он, не глядя мне в глаза. — Ты слишком... другая. Тебя сторонятся, потому что ты не умеешь быть проще. Тебе нужно измениться, если ты хочешь, чтобы у нас было все нормально.

Эти фразы впивались в мою кожу. Я начала ловить себя на мысли, что постоянно анализирую каждое свое движение, каждое слово. Я стала фильтровать свои реакции, стараясь быть «удобной», «простой», «нормальной». Я пыталась соответствовать образу той девушки, которую он рисовал в своей голове — тихой, покладистой, не имеющей своего мнения. Я смотрела на свой электровелосипед, стоящий во дворе, и он больше не казался мне символом свободы. Он казался инструментом, на котором я должна была максимально быстро и бесшумно мчаться в ту сторону, куда укажет Даня. Я медленно понимала: он не просто менял мою обстановку. Он менял меня саму, стирая по кусочкам всё то, что делало меня живой.

Я его не узнавала.

— Ты сегодня опять молчала, — бросал он вечером, небрежно листая ленту в телефоне. — Ребята заметили, что ты выглядишь отстраненной. Им некомфортно, когда ты так себя ведешь. Постарайся в следующий раз быть более открытой, что ли. Улыбайся чаще.

Я кивала, чувствуя, как внутри нарастает глухой гул отчаяния. Я улыбалась, но эта улыбка была похожа на маску, приклеенную к лицу. Я стала бояться собственных мыслей, потому что любая из них могла оказаться «неправильной», «слишком сложной» или «неуместной».

Мой внутренний мир, когда-то яркий и многогранный, превратился в серую комнату с заколоченными окнами.

Глава 5. Переписывая сценарий

Я думала, что моя работа — это мой шанс на спасение. Я видела в ней убежище, возможность заработать свои собственные деньги и, самое главное, почувствовать, что я всё ещё существую вне правил Данила. Но я совершила классическую ошибку: я верила, что у меня всё ещё есть право выбора.

Данил решил, что мне нужно сменить работу. И он не просил — он методично, шаг за шагом, разрушал мою уверенность в том, что моя нынешняя деятельность имеет хоть какой-то смысл.

— Ты на этой работе просто убиваешь себя, — говорил он по вечерам. Его голос был наполнен фальшивым сочувствием, которое было страшнее открытой агрессии. — Посмотри на себя. Ты вечно уставшая, сонная, какая-то серая. Разве это то, чего ты хотела?

— Мне нравится моя работа, — пыталась я возразить, хотя голос мой дрожал. — Там всё понятно. Мне там спокойно.

Он усмехался, и этот звук резал меня сильнее, чем любая ссора.

— Спокойно? Ты просто прячешься там. Ты используешь работу как щит, чтобы не строить нашу жизнь. Это эгоистично. Твои коллеги... они ведь видят, что ты вечно витаешь в облаках. Они, думаю, говорят, что ты не вписываешься. Ты

же сама сказала, что они считают тебя странной. Так зачем ты продолжаешь это делать?

Он начал превращать мою работу в повод для стыда. Каждый раз, когда я рассказывала о чем-то хорошем, случившемся на смене, он находил способ обесценить это. Если я быстро обслуживала гостей — это «случайность». Если я уставала — это «неумение распределять силы». Если я была счастлива — это «несерьезность».

Он начал убеждать меня, что моя работа — это причина того, почему его друзья меня не принимают. Что я слишком «зациклена на себе» и «тот быт» на работе мешает мне быть той девушкой, которая нужна «ему»

— Тебе нужно что-то более... подходящее. Что-то, что не будет забирать все твои мысли. Что-то, что позволит тебе быть дома, когда я тебе нужен, — он произносил это так, будто предлагал мне подарок, высшую милость. И самое страшное было то, что я начала ему верить. В моменты, когда в квартире снова начиналась очередная пьянка, когда я не могла уснуть от криков в коридоре, а на утро мне нужно было бежать на смену, я чувствовала себя раздавленной.

— Привыкай. И не пробуй уснуть, а зациклись на сне, — говорил он, когда я просила говорить тише.

Я начала часто рассматривать свою внешность, ища все больше поводов для оправдания своей неидеальности. Я видела там ту «странную», «неправильную» девушку, о которой он говорил. Его план сработал. Под его непрекращаю-

щимся давлением, под этим удушающим слоем «заботы», я сдалась.

Я уволилась. Я начала искать что-то «попроще», что-то, что не требовало бы от меня столько энергии. Искала работу, которая бы не мешала его жизни. Но, закрывая за собой дверь старого кафе, я не знала, что закрываю дверь и в собственную личность. Я думала, что ищу покой, а на самом деле я просто добровольно сдавала свои последние позиции.

Глава 6. Правила игры, в которых я всегда проигрываю

Моя новая работа в ПВЗ, куда он меня устроил, должна была сделать меня «спокойнее», как он и хотел. Но вместо спокойствия она принесла новую, более изощренную форму войны. Теперь причиной наших ссор стало то, что я постоянно косячу и параллельно с этим «недостаточно меняюсь».

Он перешел на тонкие, ядовитые намеки. Он говорил о «духовной близости», о «взаимной поддержке» и о том, что «женщина должна чувствовать атмосферу дома». Я не понимала, что он имеет в виду. Я просто старалась быть нормальной, но для него «нормально» означало «быть невидимой и предугадывать каждое его желание до того, как оно будет озвучено».

— Ты стала такой... зажатой, — бросил он однажды, когда я в очередной раз не угадала с его настроением. — Ты даже не замечаешь, как всё вокруг меняется. Ты как будто живешь в коконе. Тебе совсем не важно, что происходит в наших отношениях? Я пыталась спросить, что именно изменить, но это только злило его еще больше.

«Не понимаешь? — шипел он. — Это потому, что тебе плевать».

Пик наступил, когда его друзьям дали машину под выкуп.

Он воспринял это как грандиозное событие, как личную победу. Две ночи он пропадал в гараже.

Когда он вернулся, я ждала, что он хотя бы спросит, как прошел мой день. Но он вошел в квартиру как захватчик. Весь в черном масле, в пропитанной бензином одежде. От него пахло тяжелым трудом и застарелым потом. Он был настолько измотан, что даже не взглянул в мою сторону.

— Я голоден, — бросил он, проходя мимо меня к кровати. — Сделай что-нибудь.

— Ты можешь хотя бы пойти в душ? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал от раздражения. — Ты весь в масле, одежда грязная, ты испачкаешь постель...

Он замер. Это была та самая тишина, которая всегда предшествует взрыву. Он медленно повернулся ко мне, и в его глазах я увидела не усталость, а ярость.

— Ты издеваешься? — его голос был пугающе тихим. — Я две ночи в гараже, под машиной, ради нашего будущего. Я пашу как проклятый, чтобы у нас было что есть, и где жить! А ты... ты стоишь тут и указываешь мне, когда мне мыться? Ты требуешь от меня чистоты, когда я только что сделал невозможное?

— Я просто не хочу, чтобы ты лег в грязном...

— Заткнись! — рявкнул он, и я отшатнулась. — Ты только и делаешь, что придираешься. Ты хочешь, чтобы я был идеальным слугой? Ты сама ничего по дому не делаешь, ты только и умеешь, что критиковать! Тебе плевать на мой труд,

тебе плевать на то, как я устаю. Ты просто эгоистка, которая хочет контролировать каждый мой шаг! Он швырнул ключи на стол и рухнул на кровать прямо в той же масляной одежде, в которой пришел. Я стояла посреди кухни, глядя на пятна масла, которые он оставил на полу, и чувствовала, как внутри меня что-то окончательно обрывается. Он не просто не помылся. Он специально оставил этот хаос, чтобы показать: его «труд» дает ему право уничтожать мой комфорт, мое пространство и мое достоинство. Он превратил свою лень и неопрятность в привилегию. А мою попытку установить элементарные границы — в преступление против «наших отношений».

В ту ночь я поняла: я не могу «понять» его намеки, его стремление к управлению. Потому что в его игре нет правил, которые я могла бы выучить. В его игре я всегда буду виновата в том, что я — человек, а не функция.

Глава 7. Стена между нами

Самым страшным в его поведении было не то, что он кричал. Самым страшным стало то, когда он замолчал. И когда он перестал меня касаться. Сначала это казалось просто усталостью. После гаража, после ссор, после его «тяжелого труда».

— Мне жарко, отойди.... — говорил он, когда я хотела прилечь рядом.

Я думала: «Нужно дать ему время. Нужно стать тише, мягче, чтобы он снова почувствовал себя хозяином». Но тишина затягивалась. Он перестал обнимать меня, когда я проходила мимо. Когда хотела почувствовать его тепло. Он перестал брать меня за руку. Даже когда мы оказывались рядом.

Между нами будто воздвигли ледяную стену. Он лежал спиной ко мне, отвернувшись, и я чувствовала, как холод от его тела просачивается сквозь одеяло, проникая мне под кожу. Эта дистанция была громче любого крика. Она была физической формой его презрения.

Я начала лихорадочно искать причину. Я прокручивала в голове каждый наш разговор, каждое мое слово, каждую секунду моего «неподчинения».

«Может быть, я действительно слишком много требовала?» — спрашивала я себя в темноте, глядя в потолок. —

«Может, то, что я попросила его помыться, было той самой каплей, которая разрушила его веру в меня? Может, моя попытка иметь свое мнение — это и есть та самая "травма", которую я ему наношу?».

Я начала верить, что я — яд. Что я медленно, по каплям, убиваю его своей «неправильностью». Каждый его холодный взгляд, каждое молчание я воспринимала как смертельный удар, который нанесла я сама. Я начала «исправляться». Я стала еще тише. Я стала еще более исполнительной. Я старалась предугадывать его нужды, чтобы не спровоцировать очередное его отчуждение. Я превратилась в тень, которая скользит по углам квартиры, стараясь не задеть его «раны». Я думала, что если я стану идеальной, если я полностью сотру свою личность, если я стану той самой «спокойной девошкой», которой он хочет меня видеть, — он вернется. Он снова согреет меня своим теплом.

Глава 8. Запретная реальность

Моя жизнь разделилась на два параллельных мира.

Первый мир существовал только тогда, когда дверь квартиры закрывалась и я была одна. В этом мире я не была «сильной» или «удобной». В этом мире я была раздавленным, истекающим кровью существом. Когда наступали выходные, когда я была одна — единственные дни, когда мне не нужно было играть роль «нормальной» — я не отдыхала. Я просто срывалась. Я закрывалась в ванной или в спальне, затыкала уши подушкой и редела. Это был не просто плач, это был физический процесс избавления от токсичного давления, которое скапливалось внутри меня неделями. Я вырывала из себя эту грусть, как занозы, потому что внутри больше не оставалось места для жизни.

Второй мир был тем, который видел он. Там я была замершей статуей. При нем я не могла даже пискнуть, что «не вывожу». Я боялась, что любой звук моей слабости будет воспринят как очередная попытка «манипулировать» или «ныть». Я боялась, что моя грусть станет для него поводом для новой порции ярости. Я училась дышать поверх боли, чтобы он не заметил, как меня колотит.

Я совершила ошибку. Я попыталась найти спасательный круг. Начала общаться с нашей общей знакомой, Викой. Поначалу это было просто общение, но постепенно я начала от-

крываться. Я не жаловалась, нет. Я просто делилась тем, как мне «трудно». Я пыталась проговорить вслух то, что не могла сказать ему, в надежде, что само признание вслух сделает меня чуть сильнее. Вика поддерживала, говорила "никому, никогда не расскажет.

Но я забыла, в какой системе координат мы живем. Она не стала моим спасателем, тем кто просто выслушает. Она стала Данилиным информатором.

Когда я вернулась домой, воздух в квартире был наэлектризован. Данил не ждал меня на кухне — он ждал меня в режиме атаки. В квартире снова были гости и мы вышли на улицу. Прохладный июльский вечер. Я в одном платье.

— Значит, ты решила, что теперь можешь выносить наш сор из избы? — его голос вибрировал от сдерживаемого гнева. — Тебе мало того, что ты сама не справляешься, ты решила еще и мне репутацию испортить?

— Я просто...мне было тяжело, я просто поговорила с ней, выговорилась... — я попыталась оправдаться, но слова застревали в горле.

— «Тяжело»?! — он буквально взлетел с места. — Ты разводишь сопли перед людьми! Ты строишь из себя жертву, чтобы все вокруг решили, какой я плохой! Ты просто ноешь всем подряд, чтобы оправдать свою бесполезность! Тебе мало того, что я тащу всё на себе, так ты еще и хочешь, чтобы я был виноват в том, что ты не можешь справиться с элементарной жизнью? — Он орал так, что у меня звенело в ушах.

Подул холодный ветер, и я ощутила на себе весь его гнев.

В этот момент я поняла: он не просто запрещает мне говорить. Он запрещает мне иметь реальность, отличающуюся от его версии событий. Его целью было сделать так, чтобы у меня не осталось ни одного безопасного места. Ни в моей голове, ни в моей квартире, ни в кругу знакомых.

Он выжигал вокруг меня землю, оставляя меня в полной, абсолютной изоляции. И самое страшное — я начала понимать, что в этой пустыне я остаюсь совсем одна.

Глава 9. Маска и эхо его голоса

«Легче обмануть человека, чем убедить его в том, что он обманут»
Марк Твен

Я совершила самую распространенную ошибку: я поверила ему в начале.

В самом начале нашего общения он был воплощением всего, о чем я мечтала. Он казался тем самым «безопасным портом». Он не просто помогал по дому — он делал это так естественно, будто забота обо мне была его высшим предназначением. Он слушал. Он поддерживал. Он создавал вокруг меня кокон, в котором я впервые почувствовала себя защищенной. Я не знала тогда, что этот кокон не защищает меня от мира — он защищает его от реальности. Он строил свой «треснутый купол одиночества», и я была тем самым материалом, которым он латал эти дыры. Он заполнил свою внутреннюю пустоту мной, моей заботой, моим вниманием. И как только я стала частью его конструкции, я перестала быть личностью. Я стала строительным материалом. И когда купол был завершен, когда я была достаточно глубоко внутри, чтобы не иметь возможности просто взять и уйти, — он изменился. Это не было резким переходом, как в кино. Это было похоже на то, как медленно опускается туман. Тот ми-

лый, поддерживающий парень начал исчезать, уступая место кому-то другому. Это был человек с железной, пугающей решительностью. Его решения стали неоспоримыми, его воля — непреклонной. Он больше не спрашивал моего мнения — он диктовал условия.

Но самое страшное было в том, что он «не исчез полностью». Он не превратился в "монстра" 24 часа в сутки. Он оставался тем же симпатичным, обаятельным мужчиной. И это было моей главной ловушкой.

Иногда, когда наступали редкие моменты затишья, он включал свою любимую музыку. Я помню, как он начинал петь — его голос был настолько похож на голос самого певца, что у меня мурашки бежали по коже. В эти секунды я видела в нем того самого «первого» парня. Иногда, уходя на работу или возвращаясь домой, он вдруг обнимал меня и целовал — так искренне, так нежно, что я на мгновение забывала о ледяной стене, которая стояла между нами днем. В эти мгновения я думала: «Вот он. Он вернулся. Это не ошибка. Это всё еще он. Я просто была слишком резкой, и он просто устал». Эти редкие всплески нежности были не проявлением любви, а «дозой наркотика». В психологии это называется «прерывистым подкреплением». Если бы он был плохим всегда, я бы ушла сразу. Но он давал мне «кусочки рая» ровно в тот момент, когда я была готова сдаться. Он подкармливал мою надежду, чтобы я продолжала сидеть в его куполе, ожидая следующей песни, следующего поцелуя, следующей порции

того «первого» человека. Я жила в ожидании этих вспышек, и именно они делали мою тюрьму невыносимой. Потому что они давали мне иллюзию, что выход существует. Что если я буду достаточно хорошей, я смогу вернуть того, первого.

Я не понимала, что «первый» был лишь приманкой. А «второй» — это и есть его истинное лицо. И всё же, несмотря на боль и разочарования, я продолжала ждать. Ждать того момента, когда он снова станет тем, кем был когда-то — искренним, открытым, любящим. Но с каждым днём я всё яснее понимала, что этот «первый» человек — лишь призрак прошлого, а настоящее — это холодная реальность, в которой мы оба оказались пленниками своих страхов и ошибок. И в глубине души я задавалась вопросом: "а стоит ли держаться за иллюзию, если она медленно разрушает тебя изнутри?"

Глава 10. Иллюзия

Два месяца. Ровно столько мы жили в режиме «планирования». В начале это казалось священным ритуалом: тесты, высчитывание дней, разговоры о том, как мы назовем ребенка, и т.д. Данил был инициатором, он настаивал на этом с пугающим упорством, словно ребенок был единственным недостающим пазлом в его плане по захвату моей жизни. Но время шло, а полоски на тестах оставались предательски одинокими. Сначала он злился, потом начал отстраняться, а затем сменил тактику.

Теперь, когда очередной месяц заканчивался неудачей, он не кричал. Он просто смотрел сквозь меня, а потом, словно вспоминая о какой-то нелепой оплошности, бросал:

— Да ладно, я же шутил. Ты что, правда поверила? Мы еще слишком молоды, нам нужно пожить для себя. — В его голосе не было злости, только холодная, расчетливая отстраненность.

"Он не винил меня — он просто обесценивал саму попытку." — думала я. Видела, как он сдается, как в его глазах гаснет тот фанатичный блеск. Он знал, что ребенка не будет, и эта мысль, казалось, приносила ему странное облегчение. Он больше не нуждался в «семье» как в проекте, он нуждался во мне как в объекте, который можно бесконечно перекраивать под свои нужды.

В комнате повисла тишина, тяжелая и вязкая, как паток безысходности. Он подошел к окну, заложив руки за спину, и принялся изучать ночной город, будто там, за стеклом, скрывались ответы на вопросы, которые он даже не удосуживался мне задать. Его профиль, четкий и безупречный, казался высеченным из камня. В этом спокойствии было больше жестокости, чем в любом крике. Он не просто отказывался от идеи — он методично выжигал её из нашего пространства, оставляя после себя лишь выжженную пустыню, где не могло прорасти ничего живого.

Я смотрела на его спину и понимала: для него я стала лишь декорацией в его собственной пьесе, где сценарий меняется по щелчку пальцев. Мои чувства, мои страхи, моё отчаяние — всё это было лишь шумом, помехами на пути к его комфортному существованию.

Глава 11. Зеркало, которое лжет

С каждым днем я все реже узнавала свое отражение. В ванной, над раковиной, висело зеркало, — большое, с холодным диодным светом, который подчеркивал каждую тень под моими глазами. Я смотрела на себя и видела не ту девушку, которая когда-то смеялась до слез на электросамокате, а бледную, испуганную тень.

Он начал контролировать даже то, как я выгляжу: «эта прическа тебе не идет, ты выглядишь как подросток», «почему ты опять накрутила волосы, ты же никуда не идешь?». Его критика была как наждачная бумага: он медленно стирал мою индивидуальность, слой за слоем, пока от меня не остался лишь гладкий, безликий манекен. Я перестала спорить. Споры с ним напоминали попытку перекричать ураган — бесполезно и опасно. Я научилась кивать, научилась опускать глаза, научилась прятать свои мысли в самый дальний угол сознания, чтобы он не смог до них добраться. Но внутри меня рос тихий, холодный гнев. Он был похож на замерзшую реку: снаружи — лед и спокойствие, а под ним — мощное, разрушительное течение, которое ждало своего часа.

Он называл это «заботой о моем благе», «воспитанием вкуса» и «защитой от ошибок». Его слова, облеченные в мягкий, вкрадчивый тон, проникали под кожу, отравляя уверенность в собственной адекватности. Я начала сомневаться в

своих чувствах, в своих желаниях, в самой реальности происходящего. "Было ли это насилие? Или я действительно была настолько нелепой, как он утверждал?"

Глава 12. Точка невозврата

На работе дела шли все хуже. Данил начал приходить, наблюдая за каждым моим движением. Он не мешал открыто, но его присутствие действовало на меня парализующе. Я путала заказы, заикалась, отвечая клиентам. Он смотрел на меня с раздражением.

— Ты видишь? — говорил он по дороге домой, когда мы ехали на его велосипеде. — Ты даже работать нормально не можешь. Ты везде создаешь проблемы. Если бы не я, ты бы давно уже осталась на улице.

Я молчала, вцепившись в его куртку. Ветер бил в лицо. Я знала, что он лжет. Я знала, что до встречи с ним я была самостоятельной, а главное счастливой. Но его слова, повторенные сотни раз, начали прорастать в моем сознании, как сорняки. Я начала верить, что я действительно никчемная. Что без него я — пустое место. И это было самым страшным осознанием за все эти месяцы. Он не просто захватил мою жизнь — он захватил мой разум, заставив меня саму желать того, чтобы я тихо исчезала в своем разуме.

Глава 13. Опустевший дом

Через неделю после того, как мы переехали в новую квартиру, из моей жизни исчез последний свидетель моего прошлого — кошка Чили. Я помню тот вечер до мельчайших деталей. Я пришла с работы, ожидая увидеть её на подоконнике, но квартира встретила меня звенящей, мертвой тишиной. Данил сидел на диване, листая ленту в телефоне

— Где Чили? — спросила я, чувствуя, как внутри начинает разрастаться липкий страх.

Он даже не поднял глаз. — Я отдал её своему другу. Она здесь мешала, шерсть повсюду, да и вообще... она была лишней. Ты же понимаешь, что в нашей новой жизни нет места для этого хаоса.

Я застыла, не в силах вдохнуть. Чили была со мной с того самого дня, как я съехала от родителей. Она была моим якорем, моим единственным живым существом, которое любило меня просто за то, что я есть. Он оправдывался так же, как тогда с Аkitой: «это негигиенично», «это лишние хлопоты». В тот момент я поняла страшную правду: он не просто избавлялся от животных. Он методично лишал меня моих детей, моих маленьких хранителей тепла, которые связывали меня с той, настоящей версией меня.

Он вырывал из моей жизни всё, что я любила, оставляя лишь пустоту, которую он мог заполнить собой. Я стояла по-

среди чужой квартиры, окруженная его вещами, и осознавала, что у меня больше нет ничего своего. Ни дома, ни работы, ни верных друзей, ни даже права на собственную печаль. Я стала пленницей в собственной жизни, которую он переписал под диктовку своего Эго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.